

Калерия Андреева
Медовая
ПТИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Калерия Андреева

Медовая птица

«Автор»

2026

Андреева К.

Медовая птица / К. Андреева — «Автор», 2026

— Вот и все, птичка, — прошипел он, его дыхание обжигало кожу. — Полетишь вниз. Прямо с нашего общего неба. Как низко ты сможешь упасть? Она пыталась бороться, вырываться, но его хватка была железной. Пальцы, еще недавно осыпавшие ее бриллиантами, теперь душили ее. В наступающем мраке, прежде чем темные пятна окончательно поглотили свет, Лия увидела в его взгляде не привычную ярость, а холодную, безразличную решимость, от которой по коже побежали мурашки. Он действительно был способен на это. Он действительно был способен убить её. Он наслаждался этим.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11

Калерия Андреева

Медовая птица

Глава 1.

Глава 1. Медовая птица

Она была похожа на птицу, которую он нашел под дождем — хрупкую, с вздрагивающими крыльями и глазами-бусинками, полными тихого ужаса. Он принес ее в свой дом, в свою выстроенную до мелочей тишину, и сказал, что это спасение. Но клетка, даже золотая, все равно остается клеткой.

Ее звали Лия. И первый раз он прикоснулся к ней не как любовник, а как спаситель — вытирая капли дождя с ее плеч полотенцем, таким же мягким и пушистым, как птичье оперение, он стирал с нее улицу, прошлое, саму возможность иного выбора.

— Тебе нельзя доверять никому, кроме меня, — мягко говорил он, и его голос был теплым, как солома в гнезде, из которого нельзя улететь. — Твое оперение еще мокрое. Ты упадешь.

Он кормил ее медом. Изначально — с ложки, потом — с кончика своего пальца, поднося к ее губам янтарную каплю. Она смотрела на него, доверчиво и пытливо, а потом мягко прикасалась губами к его коже, слизывая сладость. Это был их первый поцелуй — непреднамеренный, невинный и оттого еще более волнующий. Мед тек медленно, прилипал к уголкам ее рта, и он вытирал его подушечкой большого пальца, властно, отмечая границы ее тела, чувствуя, как под тонкой кожей пульсирует ее учащенное сердцебиение.

— Только я знаю, что для тебя лучше, — шептал он, когда она вздрагивала от его прикосновений.

А потом пришли сливки. Густые, бархатистые, лишающие воли. Он налил их в мелкую фарфоровую чашку, похожую на раковину, из которой не выбраться.

— Попробуй, — просил он, и в его тоне была сталь.

Она обмакнула палец, повторив его жест, и поднесла ко рту. Белая капля упала на ее светлое платье, оставив млечное пятно на груди. Он не сдержался и провел по этому пятну пальцем, чувствуя под тканью жесткую верхушку ее соска. Она ахнула, не смея отпрянуть. Ее крылья были подрезаны его заботой.

И тогда он наклонился и губами, через ткань, стер то самое пятно. Вкус был невероятным — прохладная сладость сливок, смешанная с теплом ее кожи и едва уловимым, диким ароматом меда, все еще витавшим между ними.

Он развязывал завязки на ее платье с видом хозяина, вскрывающего свою собственность. Ее тело было таким же хрупким и прекрасным, как и она сама — с острыми ключицами, тонкой талией, кожей, напоминающей лепестки магнолии. Он поливал ее тело теплым медом, следя за тем, как золотые струйки стекают по изгибам живота, собираются в ямочках бедер, словно цепи. А потом он следовал за этим сладким путем губами и языком, вылизывая, вкушая. Это был ритуал, медленное пиршество, где она была и гостьей, и угощением.

— Ты вся моя, — говорил он, вылизывая сладость с ее кожи. — И ничья больше.

Сливки он вылил себе в ладони, согрел их дыханием и начал наносить на ее кожу — на плечи, на грудь, на белые, как сливочный крем, бедра. Его руки скользили по ней, сковывая ее нежностью, более эффективной, чем любые наручники. Она пахла им. От нее не оставалось ничего ее собственного.

Когда он вошел в нее, это было похоже на окончательное заточение. Ее тело приняло его с привычной покорностью, выработанной неделями этой сладкой пытки. Она обвила его

ногами, словно крыльями, и ее стоны были похожи на тихое воркование. Она не просила его быть быстрее или сильнее; она просила его быть, просто быть с ней в этом густом, сладком, белом мире, который он создал для нее — существа, которое боится упасть в пропасть, если отпустит единственную опору.

Она не просила продолжения. Она в нем нуждалась, как в воздухе, который он ей дозировал. Ее свобода стала для нее страшна, потому что он убедил ее, что без него она разобьется.

Они лежали после, покрытые высохшими разводами меда и сливок, похожие на двух испачканных в сладком птенцов. Он смотрел, как на ее ключице застыла крошечная капля меда, и прижался к ней губами, слизывая ее.

— Теперь ты моя птичка, — прошептал он. — Твое небо — здесь, со мной. Запомни.

И она, глядя в потолок, чувствовала, как ее крылья, некогда сильные и готовые к полету, теперь лишь красивая, но бесполезная ноша. Она была приручена. И самый страшный яд заключался в том, что она уже не могла представить себе жизнь без этого сладкого, душастого плена.

Глава 2.

Глава 2. Отдых с Ним

Для всех они были самой прекрасной парой на пляже. Идеальной открыткой, которую хотелось разглядывать. Он, высокий и статный, всегда рядом с ней, хрупкой и светловолосой. Когда они шли по кромке прибоя, его рука никогда не покидала ее талию — жест, который все читали как обожание.

— Смотри, какая пара, — с легкой завистью говорили женщины, втирая крем в плечи своим не таким внимательным мужьям. — Он ее просто на руках носит.

И он действительно носил. Плед он расстилал сам. Зонт от солнца втыкал сам. Сок со льдом, в котором таяла веточка мяты, подносил ей сам, подставляя соломинку прямо к губам.

— Пей, солнышко, обезвоживание опасно.

И она пила. Маленькими глотками, с благодарной улыбкой, которую все принимали за счастье. Она была его изящной, молчаливой птичкой в позолоченной клетке всеобщего восхищения.

В тот день вода была ледяной даже для конца июня. Волны, хлесткие и пенящиеся, с грохотом разбивались о берег. Лия, зайдя по колено, остановилась, вглядываясь в воду. И вдруг резко, с порывистостью, которую в ней уже отучили проявлять, шагнула глубже, наклонилась и, едва не поскользнувшись на мокром камне, подхватила что-то с воды.

Это была морская звезда. Совсем маленькая, цвета угасшего рубина, с одним поврежденным лучом. Она лежала на ее ладони, такая же хрупкая и искалеченная, медленно сжимаясь и разжимаясь, пытаясь удержаться в непонятном ей мире.

В глазах Лии вспыхнул огонек. Не тот, что был от меда или сливок, — не огонь покорного возбуждения. Это был чистый, дикий восторг открытия. Восторг от того, что она смогла сама, без его указания, найти в этом огромном и пугающем море что-то живое и прекрасное.

Она обернулась к нему, чтобы показать, и застыла.

Он стоял на песке, не сделав ни шага к воде. Его лицо было спокойным, но глаза В его глазах не было ни удивления, ни одобрения. Там была холодная, безмолвная сталь.

Он не кричал. Он не мог кричать при всех. Он подождал, пока она, покорно побледнев, не вышла к нему, все еще держа в руках свою находку.

Он взял ее за локоть с такой нежной, почти ласковой силой, что со стороны это выглядело как забота. Он наклонился к ее уху, и его губы изогнулись в улыбку для тех, кто мог на них смотреть. Но слова, которые он прошептал, были обжигающим льдом.

— Какая же ты безрассудная, — его голос был сладким и ядовитым, как испорченный мед. — Ты могла упасть. Порезаться о ракушки. Тебя могло унести волной. Ты не думаешь о последствиях. Ты не думаешь о том, как я буду волноваться.

Он вынул морскую звезду из ее окоченевших пальцев. Поднял ее, будто изучая, а затем мягким, почти церемонным жестом швырнул обратно в пену.

— Они умирают на воздухе, — сказал он уже громче, для воображаемой аудитории, поглаживая ее по спине. — Я спас ее. И тебя спас от твоей же глупости.

Она смотрела, как волна уносит крошечное красное пятнышко в глубину. Огонек в ее глазах погас, захлестнутый привычным, сладким ужасом. Он был прав. Он всегда был прав. Она — безрассудная, хрупкая птица, а он — ее спаситель.

Он укутал ее в полотенце, согревая дрожащие плечи. «Какая забота», — подумала бы любая женщина на берегу.

Лия больше не чувствовала стальных прутьев. То, что она чувствовала раньше как клетку, теперь стало каркасом, поддерживающим ее хрупкое тело. Без него она бы рассыпалась, как та морская звезда на воздухе. Он был прав. Он всегда был прав.

Она посмотрела на бескрайнюю, штормовую воду, которая только что едва не унесла ее, и почувствовала тихий, спокойный ужас перед ней. Эта свобода была хаотичной, холодной и смертельно опасной. А его мир — предсказуемым, теплым и безопасным. В нем были мед, сливки и крепкие руки, которые не дадут упасть. Ей казалось, что его руки стряхивают невидимые перья с ее плеч, но воздух вокруг становился только теплее от его прикосновений.

Она прижалась лбом к его груди, ища не утешения, а подтверждения своего выбора. Ее собственное «я», та девушка, что бросилась в ледяную воду за кусочком красоты, показалась ей теперь чужой, безрассудной и глупой.

— Прости, — тихо прошептала она. — Я больше не буду.

И это не была ложь. Это было искреннее обещание. Обещание больше не бунтовать, не стремиться к непонятному и пугающему морю. Обещание принять ту правду, которую он так терпеливо и настойчиво в нее вкладывал: ее небо — это он. Ее мир — это он. И в этом не было тюрьмы. В этом было спасение.

Она взяла его руку и приложила ладонь к своей щеке, закрыв глаза. Клетка захлопнулась, но для нее это перестало быть клеткой. Это стало домом. И самый страшный яд совершил свою работу — она не просто смирилась. Она приняла его. И в этом принятии окончательно отпали крылья, которые только мешали ей теперь.

Глава 3.

Глава 3. Клыки и бархат

Превращение Лии не было ни болезненным криком, ни сладостным стоном. Это была тихая, незаметная ассимиляция в роль, которую он так тщательно для неё вылепил. Вместо пыльных фолиантов библиотеки и чопорных вампиров-аристократов, её ждали закрытые вечеринки, дорогие рестораны и знакомство с «правильным» кругом. Его друзья, успешные и утончённые, смотрели на Лию с лёгкой долей снисходительности, как на экзотический цветок, который он с гордостью демонстрировал.

— Ты теперь одна из нас, дорогая, — говорила Ксения, девочка Слизняка, чья улыбка была так же отточена, как её шпильки. В её взгляде читалось нечто, больше похожее на оценку, чем на теплоту. — Наш круг держится на взаимном доверии. На определённых правилах.

Правила открывались постепенно, словно намёком, между глотками дорогого вина и прогулками по ночному городу под аккомпанемент тихих предостережений.

Первый закон: Сокрытие. «Наша жизнь — не для посторонних, Лиечка, — мягко объяснял он, поправляя свой безупречный галстук. В его голосе звучала забота, но в глазах плясали искорки контроля. — Что происходит, между нами, должно оставаться, между нами. Ссоры, маленькие секреты всё это — только для нас. Выносить сор из избы — предательство. Эти глупые люди снаружи ни за что не поймут нашей особой связи».

Второй закон: Вкус. «Ты привыкаешь к хорошему, милая, — шептала Ксения в уборной, поправляя помаду и бросая на Лию оценивающий взгляд. — К определённому уровню жизни, к дорогим подаркам, к вниманию. К его заботе Ты же знаешь, он такой галантный. Без этого ты уже не сможешь. Но знай меру, детка — не требуй слишком много. Настоящие чувства не в этих безделушках, а в том, что тебе позволяют быть рядом».

Третий закон: Право Крови. «Ты вошла в нашу семью через меня, Лия, — произнёс он на вечеринке, его рука властно и нежно лежала на её талии, словно отмечая территорию. — Моё слово — твой закон. Мои друзья — твои друзья. Мои враги увы, но они теперь и твои враги. В этом мире ты под моей защитой, но и по моим правилам».

Четвёртый закон: Порог. «Ты вошла в мой мир по собственному желанию, Лия, — он напомнил ей это, когда она мягко попыталась отказаться от очередного мероприятия, сославшись на усталость. Его голос стал чуть жёстче. — Теперь ты часть этой системы. Отказываться — значит отвергать не просто вечеринку, а весь наш образ жизни. Отвергать меня ведь я так стараюсь для тебя. Тебя, которую я пригрел, одел, которой дал всё».

Пятый закон: Искажение. «Ты меняешься, Лия, — он вдруг пристально взглянул на неё в зеркале. В его взгляде было почти восхищение, но за ним скрывалось что-то холодное, расчётливое. — Становишься утончённее, красивее, лучше. Но помни, птичка, это благодаря мне. Без моего влияния ты была бы всё той же испуганной воробушкой под дождём. Не забывай, кем ты была».

Их первая «охота» случилась на благотворительном аукционе. Он подвел Лию к пожилой паре, владельцам крупной сети галерей, деланно улыбаясь.

— Лия просто обожает современное искусство, — сладко произнёс он, его рука уверенно направляла каждое её движение. — Она просто живёт этим. У неё такой тонкий вкус!

Лия послушно улыбалась, кивала, чувствуя, как её воля растворяется в том образе, который он так искусно создавал. Это был ритуал: её представляли как его изящное дополнение, молчаливое и послушное. Она ловила на себе восхищенные взгляды женщин (смешанные с завистью) и оценивающие взгляды мужчин (которые он, казалось, гордо принимал). Это была охота за статусом, за связями, где она была и приманкой, и трофеем.

— Ты была великолепна, Лия, — промурлыкал он в лифте, проводя пальцем по её обнажённому плечу. — Видела, как на тебя смотрели? Все эти мужчинки хотели бы иметь такую жену, такую куклу. Но ты — только моя.

Опасность. Позже, когда они остались одни, он объяснил, почти шепотом, заглядывая Лии в глаза: «Осторожность — наше всё, родная моя. Один неверный шаг, Лия, одно лишнее слово не тому человеку — и всё рухнет, понимаешь? Наша репутация, наш статус, вся наша жизнь. Мир жесток, птичка. Без моей защиты, без моего руководства, тебя разорвут на части. Мне нужно оберегать тебя, понимаешь?»

Лия смотрела в зеркало их огромной гардеробной, на своё отражение в платье за пять тысяч долларов. И видела не себя, а созданный им образ: ухоженный, элегантный, но совершенно пустой. Призрак той девушки, которая когда-то нашла морскую звезду в ледяной воде. Кукла, наряженная для чужого удовольствия.

Он подошёл сзади, обнял её, глядя в зеркало на их отражение — идеальная пара. Он ласково прижался щекой к её виску и прошептал обманчиво искренним голосом:

— Видишь, дорогая? Ты свободна от всего, что делало тебя уязвимой. От твоего прошлого, от твоих сомнений, от этой бедности и безнадёги. Теперь ты наконец нашла своё место.

И Лия кивнула, словно загипнотизированная, чувствуя, как последние осколки сопротивления тают в этом сладком, бархатном яде. Она окончательно приняла. Она больше не чувствовала прутьев клетки — только теплый, надежный кокон. Она была его творением, его вещью, его вампиром — мёртвой душой в живом теле, обречённой вечно пить отравленный нектар его «любви». И самое страшное было в том, что маленькая, слабая часть её души ей это нравилось. Она боялась признаться, что эта иллюзия безопасности стала для неё наркотиком.

Глава 4.

Глава 4. Цена бархата

Их мир был иллюзией, тонкой пленкой, натянутой поверх реальности. Никаких мрачных замков и фамильных склепов. Всё происходило здесь, среди обычных людей — в сверкающих небоскребах, дорогих ресторанах, стерильных залах частных галерей. Но этот мир жил по своим, неписаным законам. Это была паутина, невидимая для непосвященных, но смертельно опасная для тех, кто в неё попал.

Правильнее было бы называть их не «Собранием», как они себя величали, а «Торговцами тенями». Здесь ценились не старинные родословные, а холодный расчет, безупречный вкус и готовность идти на сделку с совестью. Они не пили кровь, но питались чужими жизнями, репутациями, мечтами. Их жажда власти была куда страшнее физического голода.

Оружие этого мира — не клыки и когти, а безупречные манеры и ядовитый шепот. Удар наносился умно и изящно: деликатно подстроенный скандал, вовремя озвученный компромат, лицемерная поддержка, оборачивающаяся предательством. Главное правило — держать жертву в клетке, убедить, что без «покровительства» Торговцев тенями она ничего не стоит.

Лия окончательно стала частью механизма. Его подтверждением влияния, его идеальным проектом. Вчерашняя наивная девушка стала куклой, искусно одетой в шелка и бриллианты, готовой играть любую роль. Ее воля, некогда трепетная и живая, теперь была надежным программным обеспечением, отвечающим на его тихие команды. Она научилась не просто подчиняться, а превосходить. Легкий жест его руки, едва заметное изменение интонации — и она уже знала, когда нужно стать украшением, когда — безмолвным слушателем, а когда — остро отточенным лезвием, вонзаемым в репутацию очередной «проблемной» единицы.

Тот вечер, прием на вершине небоскреба, был демонстрацией этой идеальной слаженности.

Панорамное остекление отражало мириады городских огней, холодных и отстраненных. В воздухе витал густой аромат дорогих духов и тихого напряжения. Лия в платье-хамелеоне, переливающимся, как нефтяная пленка, была его самым ярким аксессуаром.

Он, как всегда, был рядом — её тень, её кукловод. Его рука на талии — не просто знак внимания, а способ контроля. Лёгкий нажим — «улыбайся». Чуть более сильное сжатие — «молчи». Лия научилась понимать его без слов.

— Лия, дорогая, ты расцвела, — произнес Степан, муж Ксении, задерживая её руку в своей чуть дольше, чем требовалось. Лия видела в его глазах не похоть, а хищный интерес. Он оценивал её, как дорогой аксессуар, как выгодное приобретение. — Он — настоящий волшебник. Умеет превращать гадкого утенка сами понимаете.

Он улыбнулся, излучая уверенность. Его рука на талии Лии стала еще более настойчивой.

— Лия — моё вдохновение. Ей просто нужна была подходящая среда.

«Среда». Так они называли свой мир, свою тщательно выстроенную иллюзию. Среда обитания, в которой выживают сильнейшие.

Разговор перетек в обсуждение «проблем» одного из «Торговцев» — владельца крупного медиа-холдинга, попавшего в опалу. Степан и он, демонстрируя показную учтивость, обсуждали, какие активы стоит «переориентировать», пока их владелец не станет совсем беспомощным. Лия поняла: они — не друзья, а стервятники, готовые разорвать ослабевшего сородича на куски.

— Лия просто обожает Климта, — произнес он, подводя ее к паре коллекционеров. Его пальцы едва касались ее спины, но она чувствовала невидимые нити, ведущие к каждому ее мускулу.

Она улыбнулась именно той улыбкой, что он предпочитал — сдержанной, но обещающей. Вела легкую, ни к чему не обязывающую беседу об искусстве, ее слова были подобны шлифованным камушкам — гладкие, красивые и лишённые собственного веса. Она видела, как мужчины-«Торговцы» смотрят на нее с холодным любопытством, а их жены — со смесью зависти и брезгливости. Она была эталоном, мерой успеха ее хозяина.

Затем её представили мадам Ирине, владелице сети ювелирных бутиков. Её старые, мудрые глаза смотрели на Лию с нескрываемой печалью. И Лия, встретив ее глаза, не почувствовала страха или тоски. Лишь легкое раздражение, как на назойливый сквозняк. Эта женщина была живым укором из другой, чужой жизни, к которой у Лии не осталось ни тоски, ни интереса.

— Ты очень похожа на мою дочь, — прошептала мадам Ирина, пожимая её холодные пальцы. — Такую же он нашёл юную, доверчивую. До того, как она ушла

«Ушла». В этом слове звучала трагедия. Лию пробрал озноб. Она взглянула на него. На его лице — вежливая улыбка, но в глазах — стальной блеск. Предупреждение.

— Лия нашла свой дом, — заявил он тоном, не терпящим возражений. — Она знает цену верности и благодарности. Не всем это дано понять

Позже, у стеклянной стены, он стоял рядом, наблюдая, как она смотрит в бездну города.

— Она пытается до тебя достучаться, — сказал он беззвучно, будто констатируя погоду. — Но ты ведь уже не та глупая девочка. Ты сильнее этого. Держись подальше от Ирины. Она сентиментальна и опасна. Её дочь оказалась неблагодарной. Не вздумай повторять её ошибок.

Он не обнял ее, не стал шептать угроз. В этом не было нужды. Его контроль теперь был внутренним, встроенным в ее собственное «я».

Лия кивнула, не отрывая взгляда от огней. Они больше не манили свободой. Они были просто огнями. Хаосом и грязью. А здесь, в стерильной высоте, был порядок. Предсказуемость. Комфорт.

Она стала частью этого мира теней. Та девушка, что когда-то спасала морскую звезду, осталась лишь воспоминанием. Теперь она — лишь оболочка, красиво упакованная кукла, призванная услаждать взор и подчёркивать статус хозяина.

Внезапно она увидела в стекле не свое отражение, а призрак. Бледное лицо, пустые глаза, в которых погасли все огни. «Кто это? — промелькнула холодная мысль. — Это не я. Это красивая оболочка, которую он выставил напоказ».

Его руки мягко обняли ее сзади, прижали к себе, разрывая контакт с призраком в стекле.

— Смотри, какая красота! И все это — наше. Ты — часть этого мира, моя прекрасная птичка.

«Птичка в золотой клетке, — беззвучно отозвалась она про себя, глядя на огни, — которая уже не помнит, как летать».

Лия кивнула, не отрывая взгляда от огней. Они больше не манили свободой. Они были просто огнями. Хаосом и грязью. А здесь, в стерильной высоте, был порядок. Предсказуемость. Комфорт.

Она подняла руку и кончиками пальцев коснулась своего отражения в холодном стекле. Бледное лицо, глаза-витрины, за которыми не было ни мысли, ни боли. Идеальная кукла. Его самое безупречное творение.

— Я знаю, — тихо ответила она.

И в этой фразе не было ни капли сомнения. Не чувствуя больше прутьев, она окончательно перестала быть птицей. Клетка не просто захлопнулась — она растворилась, став единственно возможным миром. И ее душа, чтобы выжить, усохла и превратилась в крошечную, холодную и очень дорогую жемчужину, вправленную в оправу его власти. Цена бархата оказалась простой и чудовищной: добровольная смерть в обмен на вечную, бесчувственную жизнь.